

УДК 87.6

© Агапов О.Д.

**ИДЕЯ СИНЕРГИИ:
ГЕРМЕНЕВТИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЕ ЭССЕ**

**IDEA SYNERGY:
HERMENEUTICS-EPISTEMOLOGICAL ESSAY**

Аннотация: Статья посвящена герменевтико-эпистемологическому анализу идеи синергии в богословском, философском и научном типах дискурсов. Автор приходит к выводу о взаимодополнительности понимания феномена синергии в современном социально-гуманитарном познании¹.

Annotation: The article is devoted to the analysis of the hermeneutic, epistemological idea of synergy in the theological, philosophical and scientific discourse types. The author comes to the conclusion that complementarity of understanding the phenomenon of synergy in the modern social and human cognition.

Ключевые слова: синергия, герменевтика, богословие, философия, наука, дискурс, практики себя, событие, эссенциализм, гетерономия.

Key words: synergy, hermeneutics, theology, philosophy, science, discourse, practice itself, the event, essentialism, heteronomy.

Приглашение к разговору. Разговор о феномене синергии целесообразно начинать с реконструкции данного понятия в истории философии, культуры, науки, религии. Помимо восстановления историко-культурного контекста, это поможет нам в открытии возможных дискурсов, как эксплицитных, так и имплицитных, где понятие «синергии» развивается, «насыщаясь» вполне определенными значениями, сводящими его к

---

¹ Статья написана в рамках реализации проекта РГНФ №14-03-00109 «Антроподиагностика современной социальной реальности на базе синергийной антропологии».

терминологической строгости и предметной определенности. Таким герменевтико-феноменологическим подступом к проблематике синергии мы надеемся вплотную подойти к феномену синергии в онтологической перспективе. И, наконец, третий шаг нашего исследования будет связан с изучением поставленной в качестве заглавия темы, т.е. постижением идеи синергии в контексте современной социальной философии.

Историко-философский этюд о понятии «синергия». Этимология слова «синергия» в переводе с греческого означает «соработничество», «согласованное действие», и по версии С. Хоружего оно появляется в период эллинизма, когда «синкретический разум поздней античности действовал в модусе слияния и синтеза» [1, С. 21].

Вместе с тем, **первая традиция** осмысления синергии феномена сложилась в средневековье, в восточнохристианском дискурсе, в рамках рассмотрения природы Фаворского света и решения вопроса о взаимоотношениях между Богом и человеком (IV – XIV вв.). Виднейшими богословами, принадлежащими к этой традиции были свв. Максим Исповедник (580 -662 гг.), Симеон Новый Богослов (949 – 1022 гг.), Григорий Палама (1296 – 1357 гг.). В XX в. ее поддержали в контексте неопатристического поворота о. Г. Флоровский, В.Н. Лосский, И. Мейендорф, Х. Яннарас, о. И. Зизиулас, С. Хоружий). В богословии феномен синергии имеет две отличительные черты: «1) он принадлежит к основоустройству личного бытия, это – феномен встречи и соработничества двух личностных формаций; 2) синергии присуща радикальная симметрия, поскольку энергии, что достигают в ней своей встречи, различны онтологически и в этой встрече играют в корне разную роль» [1, С. 24].

Вторая традиция возникает в 20 - 30 гг., и закрепляется в конце XX в. Ее можно назвать антропологической (или социально-гуманитарной). Первый постулат понимания синергии в этом топосе мысли состоит в том, что синергия есть процесс онтологического размыкания человеческого существа. Однако, если в первом, богословском случае синергия принадлежит опыту исихазма,

опыту Православия, во втором случае речь идет о реконструкции духовных практик (суфизм, йога, дзэн и др.), созданных в других мировых религиях. Реконструкция исихазма в этом случае выступает некой «идеальной моделью», позволяющей выделить общие черты духовных практик, а также их различие.

В синергийной антропологии отмечается, что древние школы духовного опыта – это *практики ауто-трансформаций человека*, направленные на онтологическое трансцендирование человека, на выход человека на уровень энергийного бытия-действия. Движущая сила этого процесса принадлежит, не только человеку, но и Внеположному Истоку, тем самым всякая духовная практика есть событие и согласование человеческих энергий и энергий иного бытийного горизонта. Подобная встреча и есть синергия. Однако, если в богословской версии синергия есть встреча личностей (Бога – Личности с человеком-Личностью), то в дальневосточных духовных практиках, это всегда соединение с энергиями иного онтологического порядка. Т.е. отмечает С. Хоружий, можно говорить об известном типологическом тождестве духовных практик в антропологической перспективе, но всегда быть готовыми к «различению духов» в онтологическом ракурсе. К сожалению, об этой онтологической разнице забывают многие представители социально-гуманитарных наук, которые вслед за П. Адо, М.Фуко, К. Гирцем, М. Моссом и т.д. ведут обширные исследования по герменевтике практик себя человеком древности и современности. При анализе духовных практик необходимо выявлять их содержание и смысл. «В восхождении к личному бытию, открытые в исихастском опыте предпосылки синергии включали «изгнание образов и возгревание чувств» (чувств-эмоций любви и устремленности к Богу). На языке температурной метафоры эти предпосылки вызвали разогревание внутренней реальности человека, которое вело к размыканию этой реальности и дальнейшему порождению новых динамических форм. В противоположность этому, в продвижении к безличному телосу предпосылки онтологического размыкания – это созерцательные и медитативные техники, осуществляющие изгнание всех эмоций и охлаждение внутренней реальности человека. В свою

очередь, это охлаждение ведет к растворению и деконструкции всех персонологических структур» [1, С. 26].

Процесс синергии реляционное событие и требует адекватной метафизической и методологической «оптики», т.е. ведет к созданию реляционной онтологии, что собственно и происходит в XX в., когда утверждается энергийный дискурс философствования (неклассический, неэссенциалистский, бессубъектный).

Реляционность синергии, во-первых, привела к открытию того, что человек представляет собой целый ансамбль энергий, который может быть классифицирован по трем базовым уровням реальности: *онтологическому* (встреча с онтологическим Другим, в пределе Богом), *онтическому* (встреча с альтер-эго бессознательного) и *виртуальному* (не-доактуализация - имитация). Конфигурация их сочетания к отдельного человека может быть различной, к тому же есть множество гибридных топик, но, есть и относительно устойчивые исторические типы – антропоформации. Множество форм бытия человека составляет ареал Антропологической Границы.

Во – вторых, понимание событийности синергии стало основой для конституирования новой эпистемы гуманитарного познания. Причем, выход на этот уровень был осуществлен в различных философских направлениях XX в. О феномене *со-бытия* размышляет М. Хайдеггер, трансимманентность и событийность социальной реальности сегодня тренд социальных теорий Н. Лумана, Э. Гидденса, З. Баумана, Ю. Хабермаса, антропологических концептов М. Фуко, Ж. Делеза, А. Бадью. Человек – средоточие сообщества социально-гуманитарных дискурсов современности, в силу этого их оборачивание на способы / формы человеческого существования и размыкания делает феномен синергии «ядром» / центром для эпистемы гуманитарного знания [1, С. 29].

Третья форма развития понятия «синергии» может быть отнесена к обширной сфере научного познания и связана с формированием такой теории самоорганизации мира как синергетика. Родоначальник термина «синергетика» Герман Хакен признает, что он исходил при его создании из семантики, не имея

представления о его богословском «прошлом». К тому же, данное понятие не превращается в синергетике в научный термин, это больше метафора, импульс / исток для создания теории взаимодействия. В связи с этим С.С. Хоружий говорит, что «анализируя синергию в синергетике, сначала следует выделить из всего спектра синергетических теорий и процессов – синергийные. Руководствуясь интуитивной идеей синергии, подсказываемой этимологическим смыслом термина, мы должны включить в «сферу синергии в синергетике» те теории, что описывают явления и процессы, в которых налицо согласованное, когерентное действие двух разных видов или потоков энергии, принадлежащим разным источникам» [1, С. 29]. Среди них – теория лазерного излучения (Г. Хакена), теория диссипативных структур (И. Пригожин). Синергия в них событие взаимодействия внутренней и внешней энергий, порождение новых форм, полей, структур. Как видим, в синергетике наиболее сильна реляционная компонента.

Развилка. Итак, мы подошли к логическому завершению взятого в начале статьи первого задания реконструировать возможные типы дискурса на проблему синергии. Здесь мы более следовали за С.С. Хоружим, основателем концепции синергийной антропологии. Вторым вопросом, прописанным в «повестку» темы статьи является вопрошание о том, как указанные дискурсы синергии влияют / могут влиять на развитие современной социальной философии. Прежде всего, как тема, как проблема феномен синергии входит в контекст социально-философских исследований с различных сторон, нет единого, «царского» пути. Например, мы можем заметить ее как элемент научно-методологической «моды». Тренд «увлечения» теориями самоорганизации, начавшийся в 70 гг. XX в. еще не исчерпал свой силы. Более того, действительно синергетика обладает мощнейшим теоретико-методологическим потенциалом и выступает фундаментом для многих социогуманитарных исследований. Достаточно, вспомнить интересные и «прорывные» синергетические социально-философские теории В. Бранского, В. Шалаева, Е.М. Николаевой и др.

Другим путем «попадания» синергии в поле интереса социальной философии может выступить историко-философские реконструкции средневековой мысли, где без аутентичной интерпретации идей свв. Максима Исповедника и Григория Паламы мы не можем объективно постичь социально-антропологическую мысль этого значительного периода в жизни человеческого рода. Тем более, данные идеи развиваются в богословии XX в. В этом плане интересен опыт Х. Яннараса, показавшего «переключку» фундаментальную онтологию М. Хайдеггера и Отцов Церкви; богословские штудии о. И. Зизиуласа, развивающего экологическую проблематику, опираясь на патристику и постмодернистскую мысль; социально-психологические и антропологические навигации О.И. Генисаретского, сочетающего мысль Нила Сорского и идеи Г.П. Щедровицкого и т.д.

Далее, конечно же, социальная философия не может игнорировать и антропологическую топику развития темы синергии и по полученным в неклассической постмодернистской социальной теории знаниям. Ранее радикальные концепции М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Барта, Ж. Дерриды, Ж. Бодрийяра или У. Эко, сегодня преподаются студентам если не как классическая философия, то как один из устоявшихся / нормативных философских трендов.

Вместе с тем, перечисленные пути «синергии» в проблемное поле философии социальности больше напоминают путь «опыления» или «интервенции». Нас же, более всего интересует возможность экспликации феномена синергии силами самой социальной философии. Мы убеждены, что без подобной внутренней интенции невозможно творчески развивать синергийный социально-антропологический дискурс. Конкретнее, со своей стороны мы предполагаем, рассмотреть вопрос синергии еще раз в герменевтико-феноменологическом ключе, а также дать методологическую «развертку» принципов синергийной парадигмы современности.

Методологическая навигация

Феномен синергии для социальной философии представляет в теоретико-методологическом плане новую исследовательскую программу ее развития как неклассической, неэссенциальной и бессубъектной или как реляционной, энергичной и антропологической.

Первый критерий неклассической философии реляционность, суть которой в преодолении метафизики, переход к пониманию бытия как становления. В основании этого подхода к бытию лежит идея общения, отношений, развития. Более того, бытие есть со-бытие, со-стояние, процесс. Иными словами, бытие – это сингулярность, где все силы сущего приведены в некое взаимодействие и действуют «порождая» различные модусы и конфигурации. В социальной онтологии «узрение» общества как состояния дает возможность его понимания как открытой системы, которая предстает как некая «завершенная незавершенность», где при доминировании исторической инерции, культурных традиций, есть шаг и для поступка человека. Общество перестает мыслиться в образе агрегата, машины. Абстракция механизма стала рассматриваться как форма неизбежного игнорирования и вытеснения места и времени, обстоятельств, культуры. «Власть универсалистской терминологии проявляется в том, что событие конкретного социального опыта конструируется и организовывается для того, чтобы поместить его в «уже известное», куда всегда уже вписана определенная ценностная иерархия» [2, С. 13].

Процессуальное понимание общества, по мнению А.Е. Смирнова способствует снять важнейшее концептуальное ограничение эссенциализма, а именно бинарное осмысление социального бытия, через оппозиции коллективного - индивидуального, фундаментального - поверхностного, внутреннего – внешнего, субъективного – объективного и т.д. Ограничение не в самой оппозиции, а в том, что один из членов оппозиции всегда репрессирует другой, оппозиции никогда не симметричны и не нейтральны. «Де – толерантная логика пары: сохранять, уничтожая» [2, С. 11].

Второй критерий неклассической философской парадигмы ее неэссенциальный или энергийный характер. Энергийность прямо связана с реляционностью, ибо процесс становления есть действие, или по Аристотелю энергия. Энергийность это содержание процессов становления, их плотность.

Ключевой онтологический вопрос здесь, откуда проистекает, берется энергия, т.е. это имманентный или трансцендентный феномен, или же – это плод синергии – как столкновения и взаимодействия различных моментов, свидетельствующих о гетерономности сущего

Третьей чертой неклассического типа философии предстает ее бессубъектность или антропологичность. Парадоксальность, да и только, ибо мы твердо усвоили, что человек и есть субъект. В первую очередь субъект деятельности. Вместе с тем, следует согласиться с тем, что человеческое существование не укладывается в сущность деятельности. Человек изначально плюралистичен, не тождественен самому себе, гетерономен, он открытая система. Таким образом, человек есть, и у-становливает, становится каждый раз, в момент «здесь –и- сейчас», что не отрицает констант его существования, но и не редуцирует его бытие к ним.

Неслучайно, Л.П. Карсавин, характеризовал человека как единство ставшего, становящегося, могущего стать. Он сам, его бытие есть момент или со-бытие, который возникает из ничто и погибает, рождается и умирает из недр всеединства. Субъектом истории по Л.П. Карсавину выступает человеческий род как единая стяженная личность как феномен всеединства, причем каждый человек конкретная личность, связанная с другими личностями. Конкретная личность может развиваться, только раскрывая и наращивая связи с другими личностями, в конечном итоге дает сообщество – народ, обладающего единой душой или идентичностью [3, С. 53].

Философия истории Л.П. Карсавина чрезвычайно близка к антропологической парадигме современности, но все же отличается от нее онтологически, в ее основании метафизика всеединства, тяготеющего к монизму, хотя и плюралистического типа (единство многообразия).

Современные концепции, признавая интенции карсавинской мысли исходят из иного онтологического горизонта. В частности, С.С. Хоружий выделяет в человеческом существовании, три топики его конституции: онтологическую, онтическую и виртуальную, каждая из которых образуется по своей логике, имеет разную темпоральность, ритмику и спектр проявлений.

А.Е. Смирнов в своем социально-философском исследовании процессов субъективации обращает внимание, что антропологичность выступает в дискурсе современной философии как проблема Другого. Именно Другой как сингулярность, другой как определяющий себя в своей идентичности («Кто Я?») противостоит субъекту, который заранее знает или предполагает свой статус и роль в структуре социума. Социализация не выступает завершение антропологического становления человека. ««Ктойность» другого в мышлении социальности представляется как сложное, открытое существование, находящиеся во множественных отношениях с действительностью. Другой не есть суверенное, исключенное из системы социальных связей существование. Другой всегда больше или меньше чем «Я», нечто принципиально нецентрируемое, данное как концентрация гетерогенной совокупности состояний и трансформаций реальности» [2, С. 15].

Таким образом, преумножение нашей «ктойности» преумножает наше бытие, не закрепощая ни самого человека (видящего основания и пределы своей субъектности и субъективности), и не давая закрепостить его со стороны держателей определенной идентичности. К тому же «ктойность» позволяет каждому из нас приблизиться к пониманию того, что наша подлинная человеческая жизнь состоит из поступков, из со-бытий, где мы «стяжаем бытие, не стяжая»; творим не закрепощая, осваивая и ничтожа, например природу, мы осваиваем и ничтожим себя, обретая в итоге мир.

Наша субъектность может быть не репрессивна по отношению в нам, другим только когда она находится в модусе субъективации, ибо «субъективация есть *дис-со-циация*: открытость становящегося субъекта всякий раз коррелятивна или даже кон-фигуративна открытой, несамодостаточной

социальности. Событие их обоюдной открытости есть движение разрешения, высвобождающего и о-пределивающего субъекта в одно и то же время». Итак, становление – это модальность или размерность бытия, где нет пункта возвращения, ибо оно не тождественно первичной данности или субстанции и нет пункта исполненности / завершения. Становление – непохоже на линейное движение (от простого к сложному, от актуальности к актуальности), скорее это сложное динамическое поле тенденций к возможной актуализации этого поля в новом актуальном [2, С. 285 - 286].

Вышеперечисленные качества неклассической социальной философии приближают нас к пониманию синергии. Действительно, человек / человеческий род предстает как становящаяся система, развивающаяся в процессах установления, дления, изменения конфигурации отношений, чрезвычайно различных сил или начал, трансцендентальной и имманентной природы. В каждом своем моменте человеческий род стремится к своей определенности, к своей идентичности (самосознанию) чтобы та «толща» отношений благодаря которой существует стала явной, чтобы стал явен его смысл, место и роль в этой конфигурации. Идентичность для открытой системы имеет большое значение, поскольку любая форма генерирования энергии нуждается в «генерализации». Вопрос в том, по каким «каналам», в каком хронотопе будет «завязываться» та или иная историческая размерность (цивилизация, общественно-экономическая формация, антропоформация и т.д.).

Синергия в нашем случае (с учетом богословского, антропологического и научного типов дискурса) предстает как ключевой процесс в рамках: а) «высвечивания» генезиса движущих сил / энергий со – бытия; б) определения линии собственного личностного развития; в) в характере отношений с внутри определенной социальной размерности; г) в выявлении «телоса» / смысла синергичных отношений.

Например, исторический процесс рассматривается при такой «оптике» как развитие человеческого рода, с одной стороны, размыкающегося к инобытию, а, с другой стороны, стяжающего к *себя / на себя* силы различной

природы, что позволяет говорить о том, что каждая эпоха обладает целым спектром синергийных процессов, или событий, закрепляющих тот или иной вид отношений между человеком и человеком, человеком и Богом, с самим собой. Примерами синергии для нас в области: - религиозной жизни – феномен обожения; - экономической сферы – кооперация, кластер / кластеризация; - политической области – ассоциации, союзы, партии и т.д.

По своему воздействию синергия, также имеет различные «плоды». Неслучайно в религиозном дискурсе христианства говорится о благодати, в светских формах синергии проявляются эффекты полноты и целостности, когда неподъемные в «одиночку» социальные проблемы решаются в один момент. Эмерджентность экономических, политических и культурных систем, природных целостностей - это «альфа и омега» системного подхода к пониманию динамики бытия.

Вместе с тем, С.С. Хоружий разрабатывая дискурс синергии в различных сферах антропологического опыта отмечает, что в ее основании может быть как любовь, так и насилие. Тогда появляется целый спектр социально-антропологических феноменов, связанных *насильственной синергией*. Так, бытие тоталитарных сообществ 30 – 40 гг. XX в. было основано на насилии, на через силу вырванной энергии любви, которую пропагандисты – «инженеры человеческих душ» «привязывали» или к вождю / фюреру или партии. Различные формы насильственной синергии есть не только в политике, она неотторжимый элемент манипулятивных техник тоталитарных сект, коммерческих культов, иных социокультурных ниш человеческого бытия.

Анализ способа объединения, герменевтика типа синергии – это еще один методологический «почин», связанный с исследованием идеи синергии в социально-философском контексте. Актуальность синергийной герменевтики, как показал С.С. Хоружий важна не только при аналитике *постантропологических* трендов развития человеческого рода, но, на наш взгляд, является важнейшим «подспорьем» для всех социально-гуманитарных наук.

Список использованной литературы и интернет-ресурсов

1. Хоружий С.С. Что такое SYNERGEIA? Синергия как универсальная парадигма: ведущие предметные сферы, дискурсивные связи, эвристические ресурсы / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – №12. – 2011. – С.19 – 37.
2. Смирнов А.Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты / А.Е. Смирнов. – Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2011. – 306 с.
3. Карсавин Л.П. Философия истории / Л.П. Карсавин. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с.